

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО - ВО ВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

47-48

А.С.ГРИБОЕДОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1 · 9 · М О С К В А · 4 · 6

«РУССКАЯ МИССИЯ В ПЕРСИИ» — НЕИЗВЕСТНАЯ СТАТЬЯ ГРИБОЕДОВА

Публикация О. Поповой

Напечатанные в петербургской газете «Le Conservateur Impartial» от 13 и 20 августа 1819 г. выдержки из письма «одного лица, причастного к Русскому посольству» в Персии написаны от лица главы Русской миссии в Персии — С. И. Мазаровича. Об этом свидетельствуют следующие фразы письма: «министр Дервиш пригласил меня обедать со всей моей свитой»; «Принц засвидетельствовал мне свое удовольствие по поводу того, что снова видит меня»; «Расскажите — сказал он мне — всё, что вы делали, видели и говорили в Москве и Петербурге, сколько раз имели вы честь говорить с императором? Что он вас спрашивал о Персии?»

«Снова», т. е. вторично, из всех членов Русской миссии, персидский принц Аббас-Мирза мог видеть только Мазаровича, как участника посольства Ермолова в Персию в 1817 г. «Иметь честь» говорить с русским императором о Персии мог тоже только Мазарович — и как участник названного русского посольства, и как глава направляемой в 1818 г. в Персию Русской миссии.

Писалось письмо, однако, не самим Мазаровичем, а, как говорит редакция названной газеты, «одним лицом, причастным к Русскому посольству». Этим «лицом» был, вероятно, Грибоедов. В защиту этого предположения можно привести следующие аргументы.

1) Литературно-обработанные письма являются одним из характерных жанров Грибоедова-прозаика, к которому он обращался неоднократно. Достаточно припомнить его «Письмо из Бреста Литовска к издателю [«Вестника Европы»] (1814), «Письмо к издателю [«Сына Отечества»] из Тифлиса» (1819), «Отрывок из письма юного жителя» — «Загородная поездка» (1826).

2) Первоначальному своему пребыванию в Тавризе и первому посещению двора наследного принца Аббас-Мирзы Грибоедовым посвящена в его «Путевых записках» лишь следующая запись, поражающая нас своей скупостью, лаконизмом: «Таврис с его базаром и каравансараями. Встреча, почести. Фетъхалихан [Фет-Али-Хан] боится каймакама. Обед у Англичан, визит каймакаму. Сир Роберт Портер. Приезд шах-зиды, церемониальное посещение, Англичане, моё мнение на счёт их и наших сношений с Персией. Бани и климат в сравнении с тифлисскими. Мёрзлые плоды. Пляска и музыка».

Письмо из Персии, напечатанное в газете «Le Conservateur Impartial» восполняет пробел грибоедовских «Путевых Записок» в части, указанной выше; правда, не в полной мере, так как текст напечатанного в газете письма является, по указанию редакции, лишь «извлечением» из него «некоторых подробностей о церемониале, нравах и обычаях Персии».

Этому свидетельству редакции не противоречит и приведённая выше конспективная запись в «Путевых Записках», которая, по своему содержанию, значительно шире напечатанных в газете выдержек письма.

Следует отметить, что настоящее письмо является не единственной публикацией о Персии в газете «Le Conservateur Impartial». В №№ 78 и 79 от 10 и 14 октября 1817 г. было помещено советником посольства А. П. Ермолова—Соколовым описание Персии в статье «Ambassade de Russie en Perse», о котором Н. Н. Муравьев пишет в своих записках: «Соколов отправил из Персии в Департамент министерства иностранных дел свои описания и, может быть, искажил их несколько. Их перевели сперва на французский язык и напечатали в Conservateur Impartial совершенно в другом виде. Пезаровиус, издатель «Инвалида», перевёл их по-русски самым гнусным образом и напечатал» («Русский Архив» 1886, кн. 5, с. 23).

Какой путь прошло печатаемое нами письмо, прежде чем попало на страницы газеты «Le Conservateur Impartial», остаётся для нас неизвестным, точно так же как и точность его воспроизведения. Перевод выполнен нами.

РУССКАЯ МИССИЯ В ПЕРСИИ

Отправленная в Персию постоянная русская дипломатическая миссия прибыла к месту своего назначения и была встречена чрезвычайно почётно в Тавризe шах-заде Аббас-Мирзой, имеющим там свою резиденцию. Равным образом, члены миссии пользуются большим вниманием и по прибытии в Тегеран. Е. в. шах приглашает их часто на придворные празднества, парады войск и т. д. Во всех этих случаях шах запросто и дружески беседует с поверенным в делах Мазаровичем и другими русскими чиновниками, отступая в этом от восточного этикета, который кладёт большое расстояние между владыкой и всеми теми, кто к нему приближается, будь то иностранцы, или его собственные подданные. Это несомненное доказательство того, что доброе согласие царит между 2-мя империями, утверждается всё более и более.

Вот некоторые подробности о церемониале, нравах и обычаях Персии, извлечённые из отправленного из Тегерана 26 марта в С.-Петербург письма одного лица, причастного к русскому посольству.

«Нужно знать, что такое значит путешествовать по Азии, чтобы судить о трудностях, которые нам пришлось перенести на пути от Тифлиса до места нашего назначения. Помимо скуки и усталости, неизбежной при продолжительном путешествии верхом, мы испытали всю жестокость необычайно суровой зимы, неудобства жилищ почти всегда без дверей и окон и встречали часто даже недостаток в дровах и других вещах, необходимых в жизни.

Встречи, которые нам оказывали повсюду, были ласковы и благоприятны. Эриванский сардарь (один из царских вельмож) угостил нас великолепным завтраком, где мы имели столы и стулья, а это не малая вещь для тех, кто не умеет сгибать свои колена и сидеть на пятках, как эти вельможи, которые могут это делать в продолжении целого дня. С приближением к Тавризу, резиденции принца Аббас-Мирзы, для нашей встречи трижды в разное время был выслан конный конвой, который нас приветствовал с прибытием от имени каймакама Мирзы Бизюрга (первого министра принца)¹ и от беглербея (губернатора города)². Как только сошли с лошадей, он, двое его сыновей³ и вся домашняя прислуга вышли нас принять в первом дворе

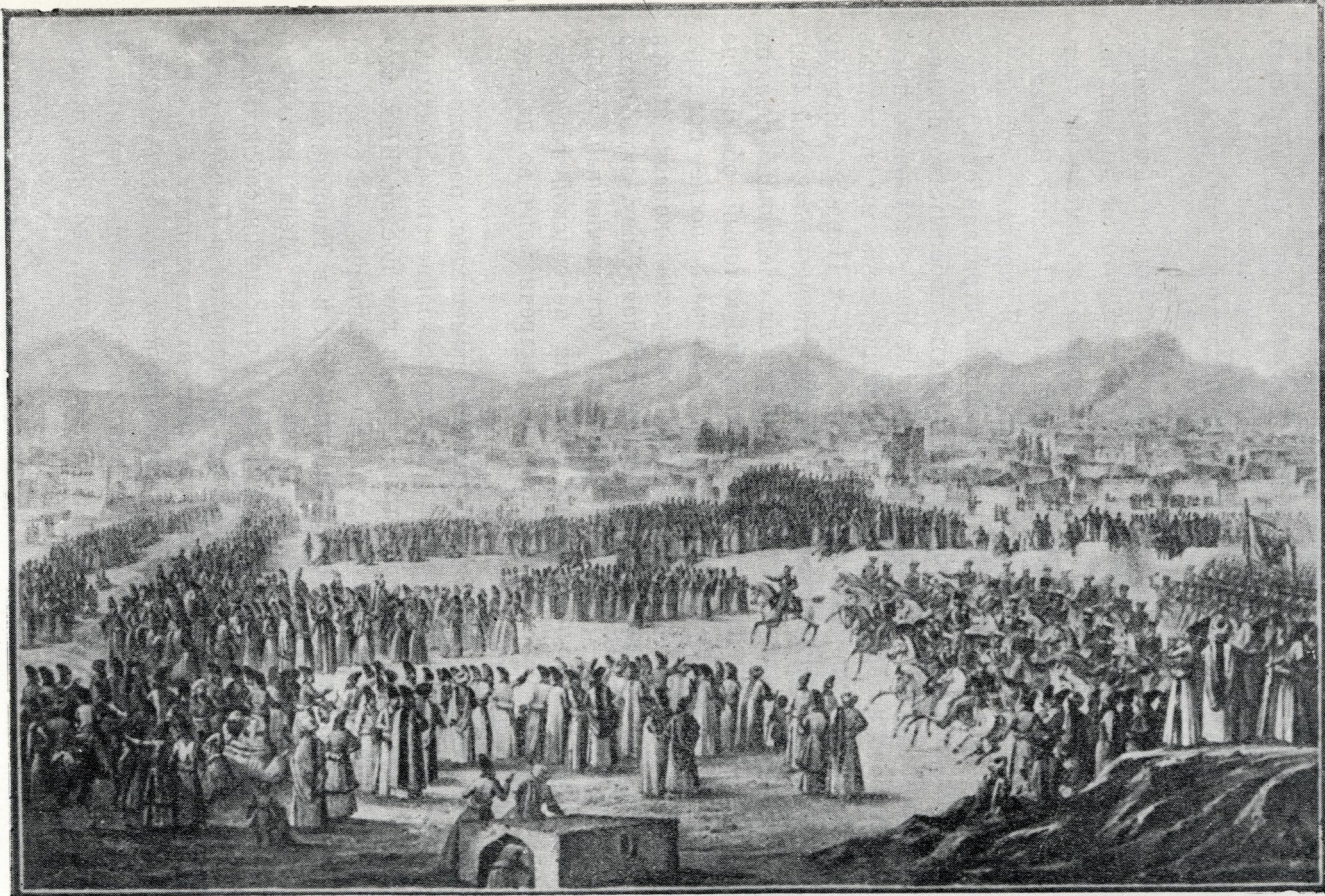
АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ
ГРИБОЕДОВЪ.

ГРИБОЕДОВ
Гравюра Н. Уткина, 1829 г.
Литературный музей, Москва

дома; поразительная разница по сравнению с поведением других вельмож страны, которые считают себя выше всякого европейца. В отсутствие принца ко мне явились с визитом несколько лиц, посланных каймакамом. Этот министр-дервиш пригласил меня обедать со всей моей свитой — и до того распространил своё внимание, что мы сидели за обедом по-европейски; эта вежливость должна тем более быть отмеченной, так как она исходила от Мирзы-Бизюрга, человека чрезвычайно щепетильного в соблюдении персидских обычаев и явного врага христианского образа жизни. Выстрелы из пушки возвестили о въезде в столицу наследного принца и на следующий день мы имели у него аудиенцию.

В полдень, один из ханов,⁴ в сопровождении прислуги, которая вела верховых лошадей из конюшни принца для всей дипломатической миссии, явился за нами от имени е. высочества. Мы тотчас же пустились в путь: я и лица, которые меня сопровождали в центре, многие из наших подданных и почётный конвой замыкали кортеж. В главном дворе принца была выстроена артиллерия и отряд пехоты, которые встретили нас и отдали нам воинскую честь при звуках барабана и инструментов. Мы сошли с лошадей у входа на значительно меньший дворик, где беглербей — наш хозяин, исполняющий обязанности генерал-адъютанта принца, находился для нашей встречи. Он привёл нас в 3-й двор, где в открытом помещении с правой стороны мы нашли одного из принцев; Мирза-Бизюрг стоял налево от него в некотором расстоянии. После трёх почтительных поклонов, во время которых я только подносил руку к шляпе, мы достигли маленького вестибюля, который вёл к принцу. Там с нас сняли нашу обувь, и мы вошли все вместе в туфлях и шёлковых чулках в комнату. Принц, в парадной одежде, с саблей на боку встретил нас стоя, честь, которую турки никогда не оказывают, а персидские вельможи очень редко. Я приблизился к е. высочеству шага на 4, держа в руках письмо к нему моего августейшего повелителя. Принц подошёл ко мне, уселся на свой ковёр, пригласил меня сделать то же самое, осведомился о здоровье императора, взял письмо и внимательно его прочитал.

Прочитав письмо, принц засвидетельствовал мне своё удовольствие по поводу того, что снова видит меня. Он воздал хвалу е.и.в., говоря о нём, как о государе, совершенно отдавшем себя для счастья своего народа, и добавил следующее — это его точные слова. «Я часто занимаюсь историей и должен признать, что там я находил пустую раму столь достойно наполненную (ныне) прекрасным характером имп. Александра». — «Особенно в отношении его справедливости и его умеренности» — ответил я ему. Е. в., одоббив мои слова, дал мне возможность выяснить ему ту выгоду, которой частично пользуется и сама Персия через Гюлистанский трактат, при этом высказал надежду, что для неукоснительного соблюдения условий этого трактата, принц Аббас-Мирза возьмёт пример только с моего августейшего государя. Я представил затем е. в. других лиц посольства и получил от е. в. указание о назначении мне на завтра отдельной аудиенции; после

ЦЕРЕМОНИАЛЬНОЕ ШЕСТЬЕ В ГОРОД ТЕРМЕЦ ГРАФА ПАСКЕВИЧА ЭРИВАНСКОГО В 1827 г.

Гравюра В. Мошкова
Литературный музей, Москва

этого по знаку, который е. в. сделал беглербею, мы удалились с теми же церемониями, как при входе. Мы заметили в комнате, в которой мы были приняты, прекрасные зеркала, большую картину, представляющую персидскую охоту, и несколько масляных портретов различных лиц страны, исполненных персидскими художниками. У каймакама, к которому мы затем отправились, был нам сервирован чай, кофе, предложен кальян (трубка для куренья); после чего мы вернулись домой с теми же почестями.

На второй аудиенции, которую принц мне назначил, он меня усадил без церемонии: «расскажите — сказал он мне — всё, что вы делали, видели и говорили в Москве и Петербурге, сколько раз имели вы честь говорить с императором?»⁵ Что он вас спрашивал о Персии? Вы теперь наш и вы знаете, что мы вас всегда любили. Я приказал развести хороший огонь, так как я заметил, что вчера вы страдали от холода». Я оставался почти 3 часа, чтобы удовлетворить любопытство принца. Он наговорил мне много любезностей, пожелал мне счастливого путешествия и скорого возвращения. На следующий день мы пустились в путь к Тегерану, куда мы готовились прибыть к Наврузу (Новому году), празднику, считающемуся самым торжественным во всей Персии. Мы сделали в 14 дней более 500 верст и на следующий день по прибытии в резиденцию я был принят шахом, который обычно не дает аудиенции ранее чем пройдет трижды 24 часа после приезда. В назначенный час адъютант шаха, в сопровождении конвоя, явился ко мне, чтобы сопроводить меня во дворец к Алаяр-Хану, зятю шаха и его генерал-адъютанту. Это обычай, здесь установленный, чтобы заставить иностранцев воздать дань уважения персидской гордости. Весь корпус гвардии был под ружьем для встречи меня во дворце; оттуда я отправился к шаху.

Е. величество шах восседал в зеркальном помещении, расположенном в 3-ем дворе дворца. После четырёхкратных приветствий, Махмуд-Хан громким голосом возвестил о том, кто я и кем послан. Шах сказал: «*Osch Ach medit*» (добро пожаловать) и, повторив эти слова, он пригласил меня пройти в его апартаменты. Как и в Тавризе, на мне под обувь были надеты шёлковые чулки и туфли. Меня заставили снять мою обувь, так как здесь этикет в этом отношении соблюдается точно и из всех европейских посольств, появившихся в Персии, единственное только русское посольство добилось входа к шаху без красных чулок, формальности, установленной для всех, кто желает быть представленным е. величеству. Я передал в собственные руки е. в. письмо, порученное мне для передачи е. в., отличие, которое предоставляется обычно только послам.

Е. в. имел на плечах шаль, его грудь и его рукава были украшены жемчугом. Ковёр и подушка были также украшены, на голове его была надета мерлушковая шапка с бриллиантовой эгреткой; его левая рука опиралась на богато украшенный бриллиантами и жемчугом кинжал (такое положение руки является общепринятым; те, что не носят кинжала, держат таким же образом руку на поясе). Большой шалевый

ковёр с красной каймой заменяет паркет, которого во всей Персии не существует, равным образом как вообще деревянного пола из-за скорпионов и других ядовитых насекомых, которые могли бы в него забраться. Потолок, стены были покрыты зеркалами, как гладкими, так и гранёными, украшенными в персидском вкусе. На бордюрах многих зеркал имелись портреты разных видов, цветы, стихи из Корана. Всё это, насколько я мог убедиться, было предметом английского происхождения⁶. Посредине помещения находился прекрасный туалет, который е. в. императрица послала жене шаха, также как слон и люстры, входившие в число подарков, которые его превосходительство генерал Ермолов передал шаху от имени императора.

Шах долгое время беседовал со мной по поводу конгресса в Аахене, о путешествиях е. и. в. и отпустил меня, сказав, что будет ждать меня к Наврузу со всей моей свитой. Мы присутствовали на этих празднествах, а также и на других, которые шах даёт всякий год в подобных случаях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Каймакам Мирза-Бизюрг — первый министр Аббас-Мирзы, «второй чиновник государства персидского, назначенный преемником первого визиря, которому уже 90 лет. Он имеет 70 лет от роду, человек хитрый и умный, владеет умом Аббас-Мирзы, которого он воспитывал, и делает в Тавризе, что хочет. Он довольно высок ростом и худощав, наружность имеет самую неприятную, беспрестанно говорит о себе, что он бедный дервиш, от всех благ и наслаждений мира отказавшийся; между тем один его сын назначен ему в преемники, по заступлении им места первого визиря; другой его сын женат на дочери шахской и преизобилует богатством. Мирза-Бизюрг при разговорах своих часто вмешивает восточные повести, коих смысл применяет он к настоящим обстоятельствам» (Н. Муравьев, Записки, — «Русский Архив» 1886, № 4, с. 487—488).

² Беглербей — губернатор в Тавризе — Фет-Али-Хан, известный персидский поэт.

³ Сыновья каймакама Мирзы-Бизюрга: Мирза-Муса-Гассан — тавризский визирь и Мирза-Муса-Хан — зять шаха. См. В. Бороздна, Краткое описание путешествия Российского императорского посольства в Персию в 1817 г., СПб. 1821, с. 267—270.

⁴ Вероятно, один из двух адъютантов Аббас-Мирзы — Назар-Али-Хан или Мегмет-Гуссейн-Хан.

⁵ Все эти вопросы задавались Аббас-Мирзой не столько из любознательности или учтивости, сколько из желания узнать, каким весом пользуется Мазарович при дворе русского императора. Это подтверждается позднейшим донесением генерала Ермолова Николаю I.

Подвергая критике руководство русской дипломатией на Востоке кабинета К. В. Нессельроде и его отношения к русским дипломатическим чиновникам, А. П. Ермолов писал Николаю I: «В Петербурге чиновники персидские принимались с особенною почестью, которые, возвращаясь домой, уважение, им оказанное, представляли как дань, принадлежащую силе персидской державы — никогда благоволением (русского) императора. В то же время бывшего в Петербурге нашего поверенного в делах при персидском дворе г. Мазаровича не удостоил граф Нессельроде представления государю. Доведено было о сем до сведения Аббас-Мирзы, и он, имевший к Мазаровичу особую доверенность и даже приязнь, перестав почитать его себе нужным, стал отдалять его, уразумев, что ему выгоднее иметь непосредственные отношения с графом Нессельроде, коего прозорливость легко мог он обмануть в отдалении, тогда как не мог он укрыться от ближайших наблюдений г. Мазаровича. Сему, так же как и мне, не верили, и сверх того,

«ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРА В ТУРЧМАШЧАЕ ФЕВРАЛЯ 10 ЧИСЛА 1828 Г.»

Первый эскиз — Грибоедов

Гравюра В. Мошкова

Литературный музей, Москвы

наделяли предписаниями, которые наконец заставили его просить увольнения от должности и 10-летняя опытность сего способного и ловкого чиновника осталась без всякой пользы для нашего министерства».

⁶ О влиянии Англии на быт и вкусы персиян в начале XIX в. часто говорит Н. М[асальский]. Так, посетив одного из эмиров, он отмечает, что «стоявший во дворе эмира караул отдал им честь по-английски, в то время как слуги, толпившиеся тут же, кланялись по-персидски». Он указывает также, что «произведения английской мануфактуры приносились в подарок двору и вельможам Персии уже не как дань искательства, а как соблазн вкусу и последней приверженности персиян к своим изделиям... Ими бунтовались огромные гаремы противу отечественных обычаев... и все классы народа ставились в необходимость подражать по мере сил своих вкусу царей и принцесс своих» («Письма из Персии», СПб., 1844, ч. I, с. 173).